

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЫЙ СТАТУС НЯНИ В ГОСПОДСКОМ ДОМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСКОГО СЕМЕЙСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Ларионова Марина Бариевна

кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО

«Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Екатеринбург, Россия

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.3.64.229

SPECIAL STATUS OF A NANNY IN THE MANOR HOUSE OF A PROVINCIAL NOBLE FAMILY IN THE POST-REFORM PERIOD

Larionova Marina Bariyevna

PhD in History,

Russian State Vocational Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

АННОТАЦИЯ

На основе опубликованного Дневника слуги уральских помещиков Голубцовых рассматривается особый статус и роль няни в 1870-е гг. в господском доме родового имения пермских провинциальных помещиков, и изменения ее функциональных обязанностей в период отсутствия детей, то есть их обучения в столичном учебном заведении.

ABSTRACT

On the basis of the published Diary of the servant of the Ural landowners Golubtsov, the special status and role of the nurse in the 1870s in the master's house of the family estate of the Perm provincial landowners, and changes in its functional duties in the absence of children, that is, their training in the capital's educational institution, are considered.

Ключевые слова: Голубцовы, провинциальная дворянская усадьба, Пермская губерния, Урал, дворянство, воспитание, няня, дворянское семейство

Keywords: Golubtsova, provincial nobleman's mansion, Perm region, Ural, nobility, education, babysitter, noble family

Рассматривая вопросы воспитания дворянских детей, исследователи преимущественно уделяют внимание значению гувернеров и гувернанток, бонн и родителей в домашнем обучении [2], роль же няни в дворянских семьях XVIII–XIX веков, «до сих пор представляет собой загадку» [3]. Заметим, что в мемуарной литературе авторы всегда особое внимание уделяли своим воспитателям, в том числе и няням, вспоминая о них с особой теплотой и любовью, данные документы до сих пор пока не стали основой для изучения роли и статуса няни в дворянской семье. Самарский историк А. И. Филина отмечает, что среди ученых нет единого мнения относительно обязанностей няни: «одни считают, что она должна была заниматься лишь теми вещами, которые поддерживают здоровье ребёнка в нормальном состоянии (кормление, купание и т. д.); другие говорят о том, что няня – это духовная кормилица ребёнка; человек, который должен был следить за духовным развитием малыша» [3]. Сама исследовательница считает, что «функциональные обязанности няни определяли сами родители, всё зависело от того с какой целью семья приглашала в свой дом няню» [3]. Вместе с тем, все специалисты сходятся на мнении, что «эмоциональная связь между ребёнком и няней была намного крепче, чем с родной матерью, не говоря уже об отце» [3]. И эта эмоциональная связь не прерывалась на протяжении всей жизни, независимо от того, была ли няня рядом, или на расстоянии.

Как правило, няни находились с детьми только до определенного возраста, и расставались со своими воспитанниками по разным причинам, больше всего из-за того, что ребенка отправляли получать образование в город, в учебное заведение. Несмотря на то, что в услугах няни дворянская семья переставала нуждаться, в некоторых случаях она оставалась жить в господском доме. Так произошло и в 1870-е гг. в дворянской семье средней руки пермского помещика Владимира Платоновича Голубцова (1832–1887), об особом статусе няни в которой писал их слуга Матвей Андреев в своем Дневнике. Сохранившиеся дневниковые записи с 1872 по 1875 гг. были опубликованы в 2013 г. [1].

Так, на основе записей Дневника и привлечения дополнительных документов, удалось установить, что няней детей в семье пермского помещика В. П. Голубцова была петербургская мещанка Матрена Фоминична Денисова. Ее имя восстановлено на основе метрической книги Александровской Покровской церкви: 18 февраля 1875 года священник Покровской церкви села Александровское Стефан Будрин пригласил няню на крестины к своей родившейся дочери [1, с. 80]. Поскольку дети Владимира Платоновича Голубцова, Владимир (1856–1892) и Александр (1858–?), родились в Санкт-Петербурге, видимо, поэтому они и взяли няню из местных жителей столицы. И если данные метрической книги соответствовали действительности, и не было

допущено никаких ошибок в указании сословного статуса няни, то в данном семействе при выборе няни родители пошли в разрез принятым традициям привлечения нянь из числа крепостных/выбших крепостных семейств. В 1864 г. семейство Владимира Платоновича переехало на Урал в родовое имение, расположенное в Красноуфимском уезде Пермской губернии, и Матрена Фоминична тоже вместе со своими воспитанниками переселилась на Урал. В 1872 г., как раз к моменту сохранившихся дневниковых записей молодые господа, Владимир и Александр, были определены в Пажеский корпус и уехали с матерью в Санкт-Петербург. Няня же осталась на Урале.

В господском доме она имела собственную комнату, в которой, в соответствии со сдаточной описью 1862 г., стояли кровать и два полукруглых столика [1, с. 36]. В своей комнате она принимала гостей, которые приезжали лично к ней. Среди них были прежде всего жители имения: семейство священника, служащие, нанятые помещиком для выполнения дел, управляющий имением, а в отсутствие хозяина имения – даже мировой посредник и мировой судья. Так, например, 10 августа 1873 г. «у няни были гости: смотрительша, чай пила, Шилингша – коф[е]» [1, с. 178], а 27 февраля 1874 г. в имение приехал мулла с женой, ребенком и свояченицей «в дорогих костюмах, на грудях из денег, серебра очень много навешано», их принял хозяин имения Владимир Платонович, «по комнатам водили, все показывали, чему татары очень дивились». Но угощали их в комнате няни: «Потом [пошли] к няне в комнату, чай пить, чашечек по 5 или 6 выпили и распростились со всеми нами», – отмечал Матвей Андреев [1, с. 221–222]. 11 апреля 1874 г. жена управляющего имением Шонохова «была, приносила рыбы 5 шук» и осталась «обедать с няней, кофе пила» [1, с. 229]. 24 апреля 1874 г. в имении в отсутствие помещика по делам приехали мировой судья И. А. Сведомский и мировой посредник К. П. Варушкин, выполнив свои обязанности оба «чай пили у няни в комнате» [1, с. 232]. 2 мая 1875 г. «в 6 часов вечера поп с попадней были у няни. Попадья няне принесла [в] подарок – платок», – отметил Матвей Андреев [1, с. 326–327]. Из Дневника мы также узнаем, что 4 января 1875 г. автор Дневника «в няниной комнате читал сказку про кота в лаптях». Однако, кто еще слушал сказку, кроме няни, – так и останется неизвестным [1, с. 284]. Еще вечерами, кроме книг, няня со служащими имения играла в карты, например, такой вечер состоялся 13 апреля 1875 г. [1, с. 321]

27 марта в день, когда русская православная церковь чтит Святую Матрону Солунскую, у няни были именины. В этот день 5–6 человек служащих имения приезжали ее поздравить [1, с. 145, 227]. На основании записи от 31 мая 1872 г. о том, что «няня ездила в Арыково со снохой с Лизкой» [1, с. 82], мы можем сделать предположение, что у нее был сын, который, видимо, вместе с матерью приехал на Урал. Сын женился и жил отдельно. Других записей о семье няни в Дневнике нет. Часто автор Дневника делает записи, что няня «ходила в баню». Возможно это было одним из ее любимых занятий. Пользовалась она преимущественно господской

баней, но один раз уехала к кому-то, и осталась недовольной. Произошло это 1 марта 1875 г.: «Няня ездила в баню, – отметил М. Андреев, – в которой не вымылись, не выпарились, только угорели и простудились частью» [1, с. 307].

Заметим, что няня соблюдала все церковные праздники и принятые православные традиции: посещала заутрени и обедни, в честь церковных праздников и не только, отстаивала службы в церкви, иногда вместе с помещиком, В. П. Голубцовым, регулярно исповедовалась. Так, например, 25 декабря 1872 г. в няниной комнате священник «славил» в честь церковного праздника [1, с. 126]. Чтила она и другие праздники, в частности, 31 марта 1874 г. православная церковь отмечала Пасху, в господский дом в отсутствие помещика приходили священник с дьяконом и образами, совершили молебен, «потом присели к столу, закусили...», пришли практически все нанятые в имении служащие: управляющий, конторские, жители села Александровского, их жены, скотницы, всех угощала няня в зале господского дома, подавали наливку и фаршированного поросенка, ближе к вечеру подошли дети, семь человек, которым «няня дали по яйцу». Всего в этот день няней было принято около 30 человек [1, с. 226]. А накануне пасхи в 1875 г. няня послала за «старой прачкой» куличи печь, «а сама в сей день красили яйца и делали пасхи», угощала в тот год не только тех, кто приходил христосоваться в дом, но и всем служащим имения «дала пасху, яиц и порцию» [1, с. 321].

Приглашали няню на свадьбы, похороны, крестины жители имения и городские чиновники. Она никогда не отказывала, охотно посещала эти мероприятия, очевидно, выступая представителем помещичьей семьи в уездном обществе. Бывали случаи, когда няня занималась организацией похорон служащих имения, распорядилась или сама выдавала жалование родственникам умершего [1, с. 230].

Любила няня ездить в гости, ее принимали по сути люди, которые общались с помещиком. Так, например, 14 февраля 1873 г. няня ездила на почтовую станцию Ачит к жене станового пристава Елене Петровне Себякиной «в гости» [1, с. 136], а 24 апреля 1874 г. няня ездила в город проститься с вдовой мирового посредника Юлией Андреевной Юмашевой, которая после смерти мужа с детьми покидала Урал. Чаше она бывала в доме священника села Александровское и любила ездить в гости в соседнюю деревню Шиловку к семейству уроженцев Лифляндии Ивану Петровичу и Крестинье Петровне Шиллинг [1, с. 92], глава семейства которой арендовал у Голубцовых мукомольную мельницу. Причем в гости она ездила в красивых нарядах, позволяя себе одевать даже шелковые платья [1, с. 300].

Совершенно очевидно, что в отсутствие хозяев имения, няня оставалась за главную, отдавала распоряжения и указания, принимала решения, ее слушались и подчинялись все, включая и автора Дневника. Так, 9 августа 1873 г. жена помещика Варвара Александровна Голубцова уезжала из имения в столицу, оставила указания в письменном виде, автор дневника отметил, что он и «няня

получили от барыни наставление письменное» [1, с. 177]. На расстоянии барыня продолжала давать указания оставшимся обитателям господского дома, в частности, 22 января 1873 г. автор дневника отметил, что «от барыни письмо привезли и строгие приказы» [1, с. 211].

Вместе с хозяевами имения, а в их отсутствие – одна, няня ездила в поля, на риги, жнитву, на скотный двор, на пчельник, стекольный завод, следила за огородом, занималась разными хозяйственными делами. В частности, из Дневника мы узнаем, что 28 мая 1874 г. «няня ходила в тепличку, в парники и принесла 18 штук огурцов», в этот же день приказала сгрести обнаруженный в лесу улей пчел и привезти во двор господского дома [1, с. 237]. 15 октября 1874 г. «ездила на мельницу, на ригу, оттуда для птиц украли овсяных три снопа» [1, с. 237]. 13 ноября 1874 г. «ездила на плотину, на стекольный завод, у Бобровых теленка сторговала за 2 рубля 30 к[оп.] серебром» [1, с. 268]. 20 января 1875 г няня «со мной, – писал Матвей Андреев, – ездили на мельницу посмотреть, скоро ли готова мельница будет. По-нашему, кажется, недолго, темно[е] же видится дело. Потом няня проехала на птичник. В это время попадаья приехала с девочкой, дождалась няню. Пили кофе, немножко погода и чай пили» [1, с. 289]. 28 апреля 1875 г. к няне «просвирня приходил[а] няне спросить позволения о лошади в табун пустить, которую няня не дозволили» [1, с. 325].

Ходила няня за грибами, ягодами вместе с другими членами помещичьей семьи, как и на выездные прогулки с чаепитием.

Няня следила за порядком в доме, и в частности, 17 марта 1874 г. кухарка Настасья после уезда барина из имения пришла за своим жалованием, но няня «ей сказала, когда она все в настоящем виде всю кухню сдаст, то ей отдадут деньги. А если этого она не сделает, то и деньги не получит» [1, с. 225], заботилась о сохранности господских вещей, так 12 мая 1875 г. она «кончили резать перья для подушки барыниной» [1, с. 329].

Отдавала она разные поручения и автору Дневника: так, например, 28 апреля 1875 г. Матвея Андреева «няня в город посылала», а на следующей день – «посылала на мельницу, узнать, мелет ли мельница, и есть ли помол», 13 мая 1875 г. «вечером посылали к попу насчет завтрашнего молебна о скоте, чтобы отслужить пораньше», 16 мая 1875 г. «посылала в город закупить картофеля для сажания в огороде» [1, с. 325, 326, 330].

Имеются в Дневники записи о том, что няня ездила в Красноуфимский уездный мировой съезд «слушать суд» [1, с. 218], произошло это 15 февраля 1874 г. и говорит о ее любопытстве, любознательности и желании быть в курсе того, что происходит в округе. 23 июня и 1 октября, когда в селе Александровском проходили ярмарки, она их посещала, иногда вместе с членами помещичьей семьи [1, с. 338], делала покупки, причем не только для себя.

Наконец, она пыталась лечить больных, вернее, делала попытку облегчить страдания, в случае обращения жителей имения: в частности, из Дневника мы узнаем, что 17 апреля 1875 г. к ней обратился некий житель имения Бобров, жена которого больна «от простуды после родов» и

«няня дали одеколону, я дал горчицы, чтобы на затылок поставили», – писал Матвей Андреев. На следующей день, она навестила больную, которая «в сильном бреду» [1, с. 242, 322].

Об особом отношении к этому человеку членами дворянского семейства говорит и тот факт, что она часто сидела за одним столом с владельцем имения Владимиром Платоновичем, происходило это, правда, в отсутствие посторонних лиц, когда барин оставался один. Он приглашал ее не только на утренний чай или кофе, но и на обед и ужин.

Таким образом, мы видим, что пример дворянского семейства Голубцовых позволяет нам говорить о том, что в середине XIX в. в дворянских семьях продолжали пользоваться услугами нянь. Уже до реформы 1861 г. в некоторых дворянских семьях перестали использовать в качестве нянь своих крепостных крестьян, выбирая их, видимо, по личным качествам или рекомендациям знакомых вблизи своего реального местожительства. Длительное, ежедневное пребывание в дворянской семье приводило к тому, что стали стираться принятые в обществе условности, как и в предшествующий период к няням, воспитавшим наследников, относились с особым уважением и почитанием родители, старшее поколение, не взирая на сословные различия. Действительно, няни в дворянских семействах продолжают играть особую роль, которая трансформируется в зависимости от возраста детей, но продолжает сохраняться, но уже в господском доме. Благодарность помещичьей семьи за присмотр и воспитание детей выливается в возможность выбора няней своего жизненного пути и права остаться в господском доме, а изменения функциональных обязанностей никоим образом не влияет на ее особый статус в господском доме, впрочем, как и на то, что она навсегда для этого семейства останется нянькой, няней, нянинькой как для воспитанников, так и для их родителей, а также всех приближенных дворянского семейства: от прислуги до друзей и знакомых. Поэтому мы можем говорить об особом статусе няни в дворянской семье, который не зависит от сословной принадлежности, а определяется той важной ролью, которую няни играли в деле присмотра, контроля и воспитания следующего поколения представителей дворянского сословия.

Литература:

1. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872–1875 гг. / предисл., подгот. текста и коммент. М. Б. Ларионовой; науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: Издательство «Квадрат», 2013. 400 с.
2. Солодянкина О. Ю. Иностранцы гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков). М.: Академия, 2007. 511 с.
3. Филина А. И. Особенности воспитания в дворянских семьях XVIII–XIX века // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/16739>.